

Выслушав брата Лю, Дуань Цунчжи первым делом подумал о другом: если слухи действительно поползут, согласится ли Цинь Кэ подыграть ему и изобразить роман — чисто ради того, чтобы замаять скандал?

Судя по тому, как сквозь пальцы Третий господин обычно смотрел на любые его капризы, тот вполне мог пойти навстречу. С другой стороны, на прошлый день рождения он ведь ответил решительным отказом.

Дуань Цунчжи и сам не знал, чего ожидать.

Он тихо вздохнул. Сам же ведь твердил себе, что нужно держаться от этого человека подальше, а мысли всё равно возвращались к Цинь Кэ.

Пока парень витал в облаках, Брат Лю, решив, что тот всерьёз взвешивает его предложение, даже курить не стал — терпеливо ждал, боясь спугнуть мысль.

Но стоило Цунчжи очнуться и без лишних раздумий покачать головой, как благожелательность с менеджера мигом слетела. Разозлившись от такого пренебрежения, он процедил сквозь зубы:

— Смотри не пожалей. Не стоит плевать в колодец.

Дуань Цунчжи лишь удивлённо вскинул брови. Надо же, импресарио самого Линь Ханя, а держит себя в руках так плохо.

Брат Лю, конечно, умел сохранять лицо, просто он никак не ожидал получить от ворот поворот от какого-то безвестного каскадёра. Подавив вспышку гнева, он оставил папку с контрактом на столе:

— Подумай хорошенько.

Думать тут было не о чем. Как только за менеджером закрылась дверь, Дуань Цунчжи без малейших колебаний свернул бумаги в трубочку и отправил их прямым в мусорную корзину.

Скоро должны были вернуться родители, а значит, и ресторан Тунъюань вот-вот откроется. Пора было возвращать отцу его минивэн Wuling Rongguang.

Отец, впрочем, ничуть не торопил сына — мол, катайся сколько нужно, у меня ещё трёхколёсный мотороллер есть.

Но в такую-то жару заставлять пожилого человека развозить заказы на открытом электрическом трицикле? Дуань Цунчжи не мог так поступить, это же чистое мучение.

Парень всерьёз задумался о покупке собственного транспорта. Если оформить всё через отцовские знакомства, проблем с лицензией на доставку быть не должно. Ему вполне подошёл бы минивэн Wuling Hongguang. Модель чуть солиднее и дороже отцовского Wuling Rongguang, салон просторный — и самому удобно, и коллегам по съёмочной площадке будет где спастись от зноя под кондиционером.

Тратить деньги семьи Цинь он принципиально не желал. К счастью, Режиссёр Ли в своё время подстраховался: боясь, что каскадёр сбежит посреди съёмок, выплатил гонорар авансом. Половины этой суммы как раз хватало на машину. Вот только где искать следующую работу, Дуань Цунчжи пока не представлял, так что разбрасываться сбережениями не следовало.

С командой Линь Ханя они, считай, разругались. Хоть вчера они и подписали какие-то бумаги, бог весть, когда придут деньги и придут ли вообще.

Новенький Wuling Hongguang стоил меньше, чем фирменный зонтик из двери «Роллс-Ройса». Дуань Цунчжи и подумать не мог, что наступит день, когда он станет выкраивать сумму, равную стоимости заурядного автомобильного аксессуара.

После утренней смены Режиссёр Хуан куда-то ненадолго отлучился. Вернулся он не один — следом за ним шёл мужчина лет сорока пяти, одетый в простую клетчатую рубашку. На голове у него красовалась неприметная бейсболка, на носу примостились очки в толстой чёрной оправе. Невысокий, худощавый, интеллигентного вида — с первого взгляда обычный человек, но при всей своей невзрачности незнакомец обладал харизмой, благодаря которой врезался в память сразу.

Дуань Цунчжи проводил его долгим взглядом. Почувствовав это, мужчина обернулся. Парень вежливо приподнял брови, кивнул в знак приветствия и непринуждённо отвернулся.

Эта мимолётная встреча стёрлась из его памяти уже через секунду.

После обеда на площадку должен был приехать дублёр Линь Ханя по каллиграфии — предстояло отснять сцены за письменным столом. Поскольку для самого Цунчжи работы не предвиделось, он устроился на заднем сиденье минивэна, изучая сценарий и наслаждаясь последними часами за рулём.

Сюэ Пин отвёл взгляд. Режиссёр Хуан негромко спросил его:

— Ну как тебе?

Сюэ Пин поправил козырёк кепки.

— Надо присмотреться.

— Стал бы я тебе врать, — покачал головой режиссёр.

Сюэ Пин лишь неопределённо хмыкнул в ответ.

Сюэ Пин числился агентом, но назвать его обычным менеджером не повернулся бы язык. Крупный акционер развлекательной компании Чуанши, он лично вырастил двух примадонн кинематографа. Когда обе его подопечные вышли замуж за миллиардеров и покинули индустрию, Сюэ Пин на несколько лет ушёл в тень. Вернувшись, он тут же превратил неизвестного новичка в Телеимператора.

Как только срок контракта истёк, новоявленная звезда открыла собственное агентство, а Сюэ Пин снова остался не у дел. Вот уже два года он никого не продвигал лично.

Обладая феноменальным чутьём и безграничными связями, Сюэ Пин выбирал кандидатов с дотошностью ювелира. Зная этот тяжёлый характер, Режиссёр Хуан не стал настаивать.

В этот момент к ним, тяжело дыша, подбежал запыхавшийся помреж.

— Режиссёр Хуан, беда! Господин Ли попал в аварию!

Господин Ли был тем самым мастером каллиграфии, приглашённым для съёмок. Сорванная сцена — полбеда, главное, чтобы человек уцелел. Хуан резко поднялся со своего стула.

— Как он? Жив?

— Обошлось без жертв, но он сильно повредил руку. Сейчас его везут в больницу.

Режиссёр облегчённо выдохнул, но тут же досадливо поморщился. С больной рукой каллиграфа на площадку не затащишь. Декорации уже готовы, разбирать их бессмысленно. Выход оставался один: отснять общие планы с Линь Ханем, а сам процесс написания иероглифов доснять на монтаже позже.

Поскольку мастер должен был писать вживую, съёмочная группа даже не озаботилась готовыми образцами. Теперь придётся имитировать движения кистью и уповать на чудодейственный монтаж.

Дуань Цунчжи, наблюдавший за суматохой со своего привычного места, краем уха уловил разговор о замене.

Сцена была несложной — от Линь Ханя требовалось лишь правильно держать кисть над бумагой. Съёмка продвигалась быстро. Дуань Цунчжи, примостившись на своём раскладном стульчике рядом с режиссёрским пультом, неожиданно спросил:

— Слушайте, а за каллиграфию отдельно платят?

— Что? — Хуан недоумённо обернулся к нему. — Ты умеешь писать кистью?

Дуань Цунчжи кивнул и настойчиво уточнил:

— Гонорар полагается?

Режиссёр Хуан на мгновение лишился дара речи.

— Заплатят тебе, заплатят! — проворчал он наконец.

— Ну, тогда ладно, — улыбнулся парень. — Родные когда-то учили меня каллиграфии.

Сидевший рядом Сюэ Пин, не снимая кепки, проявил интерес:

— Какими стилями владеешь?

Поняв, что речь идёт о почерках, Дуань Цунчжи скромно ответил:

— Всего понемногу.

— И какой же стиль, по-твоему, подошёл бы сюда лучше всего? — прищурился Сюэ Пин.

Поскольку Режиссёр Хуан помалкивал, Дуань Цунчжи на секунду задумался, а затем предложил:

— Думаю, императорский стиль «стройное золото» — шуцзинь.

Он тут же обосновал свою мысль:

— Хотя историческая эпоха в сценарии прямо не названа, по деталям угадывается династия Сун, времена правления Хуи-цзуна. Чжао Цзин — амбициозный, хитрый и искушённый в дворцовых интригах принц. Он прекрасно лавирует в высшем обществе, так что для него было бы совершенно естественно практиковать именно этот изящный стиль.

Главная героиня носит фамилию Цай. Презирая бесчинства своего отца, государственного чиновника, она сбежала из дома. Чжао Цзин на словах сочувствует ей и сурово осуждает старого министра, но за кулисами продолжает вести с Господином Цай тайную переписку. В итоге и девица избежала поимки только благодаря принцу, и сам он приобрёл в её лице

мощного союзника.

Сюэ Пин молча выслушал его и лишь согласно кивнул, не став давать оценок. А вот Режиссёр Хуан усмехнулся:

— Ну, тут ты не прав. У нас ведь скрытый исторический фон. Стоит тебе вывести эти иероглифы на экране, как искушённый зритель мигом разгадает все наши секреты!

Дуань Цунчжи промолчал.

Хуан велел ему сделать пробу пера. Дуань Цунчжи подошёл к столу, обмакнул кисть в тушечницу, давая ворсу хорошенько пропитаться, и вывел пару иероглифов. Вдруг он нахмурился, поднёс кисть к лицу и бережно удалил один выбившийся волосок.

— А вот это движение хорошее! — оживился режиссёр. — Обязательно вставим его в кадр.

Разумеется, замечание предназначалось Линь Ханю — раз уж жест утвердили, актёру тоже придётся его отыграть на крупном плане.

Когда Дуань Цунчжи закончил писать каллиграфическое стихотворение и аккуратно отложил кисть, режиссёр окончательно повеселел:

— Отлично! Через десять минут снимаем твою руку.

— А как же гоно... — начал было Цунчжи.

Довольный Хуан лишь отмахнулся, не желая торговаться по мелочам:

— Заплачу столько же, сколько обещали мастеру Ли. Не переживай.

Сюэ Пин подошёл ближе, разглядывая написанный лист. В его глазах промелькнуло искреннее восхищение.

— Великолепный почерк, — негромко произнёс он.

Дуань Цунчжи так и не понял, кем приходится режиссёру этот загадочный приятель, хотя общались они запанибратски.

Сам парень не считал свои навыки чем-то выдающимся. Своим мастерством он был обязан Цинь Кэ — в поместье Цинь каллиграфия входила в обязательную программу обучения. Будучи грозой Восточной улицы, Дуань Цунчжи когда-то свято верил, что выводить красивые

закорючки — удел девчонок. Его собственный почерк шариковой ручкой напоминал куриную лапу, а уж к традиционной кисти он и подступаться не желал.

Но получив пару раз нагоняй за нерадивость на занятиях, он упрямо засел за тренировки по ночам. Первые пару лет Цинь Кэ лично направлял его руку. Цунчжи до сих пор помнил, как выводил свои первые ровные штрихи за его антикварным письменным столом из драгоценного палисандра хайнаньского происхождения.

Вот у кого почерк был безупречным, так это у Цинь Кэ. Но сколько Дуань Цунчжи себя помнил в том доме, Третий господин вечно был занят делами. Когда он только успел отточить такое мастерство — оставалось загадкой.

Впрочем, статус Третьего господина держался вовсе не на одном лишь знатном происхождении.

Успех Дуань Цунчжи не остался незамеченным. Ближе к сумеркам на горизонте снова нарисовался Брат Лю, хотя ещё утром он сыпал завуалированными угрозами.

Протягивая парню сигарету в знак примирения, он дружелюбно предложил:

— Назови свои условия. Мы всегда сможем договориться.

Дуань Цунчжи демонстративно проигнорировал жест:

— Не курю.

Менеджер невозмутимо убрал пачку, щёлкнул зажигалкой и, глубоко затянувшись, прищурился:

— Скажи прямо, чего ты опасаешься? Излей душу, не чужие ведь люди.

— Тебе ли не знать, Брат Лю? — хмыкнул Дуань Цунчжи.

Тот притворно вздохнул:

— Брось, к чему эти обиды на Линь Ханя? В нашей индустрии полно артистов схожего типажа, но он пробился на вершину исключительно благодаря собственному таланту. Давай так: я гарантирую тебе постоянные упоминания в прессе и продвижение от агентства. Сам Линь Хань тоже не останется в долгу и будет подкидывать тебе выгодные проекты. От тебя требуется сущий пустяк — изредка выручать его на съёмках.

Фильмы о боевых искусствах всегда пользовались успехом, но сейчас ситуация на рынке менялась. До брата Лю дошли слухи, что в ближайшие два года развлекательная компания Чуанши планирует запустить в производство сразу три масштабных проекта в жанре уся. С таким высококлассным дублёром, как Дуань Цунчжи, шансы Линь Ханя получить там главные роли возросли многократно.

Изначально менеджер намеревался действовать мягко и не торопя события, но сегодняшнее появление на площадке легендарного Сюэ Пина спутало все карты. Этот человек был серым кардиналом в Чуанши. Если Дуань Цунчжи попадётся ему на глаза и заинтересует его...

Брат Лю затушил окурок и зашёл с козырей:

— Насколько мне известно, твоя семья сейчас едва сводит концы с концами.

Дуань Цунчжи мысленно выпал в осадок.

«Это откуда вообще такие новости?»

Менеджер продолжал вещать тоном умудрённого опытом наставника:

— Мы ведь один раз живём, парень. Всем хочется сытой и безбедной жизни, а без денег её не построишь. Думаешь, почему вся молодёжь рвётся на экраны? Да потому что здесь крутятся самые лёгкие и быстрые миллионы.

Он выдержал эффектную паузу и многозначительно добавил:

— А у семьи Линь денег куры не клюют.

Дуань Цунчжи молча созерцал этот дешёвый спектакль, постепенно проваливаясь в собственные мысли.

Утром этот тип брызгал слюной и угрожал, а к вечеру приполз обратно с заманчивыми предложениями. Даже волк из детского мультика не возвращался за добычей с такой навязчивой регулярностью.

В памяти всплыл силуэт мужчины в очках и поношенной бейсболке. Дуань Цунчжи интуитивно почувствовал: внезапная перемена в поведении менеджера как-то связана с «Лао Сюэ», молчаливым приятелем режиссёра.

—... Если плевать на собственное будущее, подумай хотя бы о родителях, — вкрадчиво продолжал Брат Лю. — Они у тебя уже немолодые, каково им трудиться на старости лет?

На словах менеджер пёкся о чужом благополучии, но в его тоне отчётливо сквозила угроза. Линь Хань прикрывался авторитетом своего клана. И неважно, кем он там приходился влиятельным господам из семьи Линь и имел ли хоть какой-то вес в их делах, — громкое имя работало безотказно. Брат Лю уже не первый год успешно шантажировал им неугодных.

Взгляд Дуань Цунчжи мгновенно заледенел. Линь Хань действительно носил эту фамилию, вот только они находились в Лунчэне.

Лунчэн был вотчиной великого клана Цинь. И веское слово молодого господина Дуаня здесь значило куда больше, чем любые претензии столичного мажора. Линь Хань решил показать свои дешёвые зубы? Что же, зря он не поинтересовался, у кого пытается встать на пути.

<http://bllate.org/book/18330/1765575>